

8.Посацький Б. Місто – середовище і форма // Досвід та перспективи розвитку міст України. Філософські та теоретичні аспекти містобудування: Зб. наук. праць. Вип.4. – 2003. – С.193-199.

9.Шкляев Н.А., Емельянов А.А., Иванов М.Э. Градостроительные особенности сохранения недвижимого культурного наследия в Москве // Коммунальное хозяйство городов: Науч.-техн. сб. Вып.36. – К.: Техніка, 2002. – С.167-171.

Получено 08.06.2004

УДК 711.01

С.А.ШУБОВИЧ, д-р архит.

Харьковская национальная академия городского хозяйства

«ВЕКОВЫЕ ОБРАЗЫ» В АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДА

Рассматривается проблема генезиса в градостроительных композициях. Градостроительная теория и практика эпохи советского авангарда исследованы в аспекте культурных архетипов и создаваемых ими «вековых образов».

«Я знаю,
город будет.
Я знаю,
саду цвествь...»

В.Маяковский

Устойчивое развитие города базируется на стабильных явлениях, закреплённых в его прошлом. Прогнозирование будущего методологически опирается на аналогию с прошлым опытом и экстраполяцию прошлых явлений в будущее. Однако постичь прогностику сложно, так как здесь приходится иметь дело не только с техническими явлениями, которые поддаются количественному исчислению, но и с такими явлениями общественного характера, которые измерить зачастую не удастся [1]. К таким явлениям относится, в частности, восприятие среды человеком, ее метафоризация и соотнесение с собственным «я»; т.е. то, что К.Линч называет самоотождествлением [3].

В этом смысле современная архитектурная наука катастрофически отстает от научных разработок в иных профессиональных сферах. В частности, это отношение к гуманитарным аспектам личности, к проблематике скрытых мотиваций, основанных на глубинных пластах психики, к проблеме философского осмысления среды жизнедеятельности личности, которая формировалась исторически и в которой наравне с преобразующей мир культурной динамикой существует закреплённая архетипами статика культурных традиций.

Эта архетипическая статика или, по К.Юнгу, «коллективное бессознательное», во многом обуславливает поведенческие процессы, систему предпочтений и практически всю художественно-творческую

деятельность человека и общества. Учитывая это, литературоведческая традиция ввела в оборот мысль о наличии в сюжетах самых разных произведений, отделенных друг от друга целыми эпохами, неких общих черт. Эта общность уходит корнями в древнейшие образы, закреплённые сюжетами мифов. Она модифицируется в соответствии с требованиями и представлениями своего времени, но, при этом, сохраняет память о породившей ее схеме. Литературовед Дж. Уайт называет эти схемы, проявляющиеся в произведениях, далеких от собственно мифа, «вековыми образами».

Архитектура, наделенная собственной поэтикой, безусловно, обладает и собственными «вековыми образами», которые особенно ярко вспыхивают в кризисные периоды истории. Подобные образы свидетельствуют о стойкости архетипической модели в сознании человека. Одним из них стал образ идеального города, преобразуемый в соответствии с эпохой. Его модель, уходящая к «небесному городу» Месопотамии, как правило, на каждом этапе связывалась с социальными установками воспроизводивших ее людей, которые переносят на город «небесный регламент» и, соответственно, регламент земной власти. Подобные космогонические архетипы «рая на земле» находят в фаланстере Фурье, в городе-саде Э.Говарда, в Брокадер-сити Ф.Л.Райта, проектах Э.Энара [2, с.72]. Той же идеей вдохновляются мастера советского авангарда. «Град божий» Августина, «Справедливый град» Авиценны или «Город Солнца» Кампанеллы возникает в «Лучезарном городе» Н.Милютина, «Городе Солнца» И.Леонидова, существует в скрытом виде в идеях «города будущего», «соцгорода» и других порождениях культуры авангарда.

Задача данного исследования – рассмотреть культурный феномен авангарда в рамках градостроительной теории и практики в аспекте культурных архетипов и рожденных ими «вековых образов». Работа базируется на исследованиях градостроительства периода начала XX в. А.В.Рябушина [1, 11], В.Э.Хазановой [4] и др., литературоведческих исследованиях Н.Анциферова [5], Е.М.Мелетинского [2], архитектурных концепциях К.Линча [3], В.Л.Антонова [10] и др. Новым представляется рассмотрение градостроительной структуры города как феномена, стабильность развития которого определяется стабильностью его архетипического начала, которое актуализируется в периоды наибольшего социального напряжения. Актуальность темы определяется интенсификацией спонтанной градостроительной деятельности, зачастую лишенной серьезной философской и гуманитарной основы и повторяющей негативные процессы сходных эпох в прошлом.

Архитектурный авангард был рожден историческим кризисом рубежа XIX и XX вв. «Конец века» породил культуру модерна, философским кредо которой была идея вселенского угасания. Затем, на революционном подъеме, возник авангард 20-х годов с его идеей вселенского оптимизма. Психологический спад модерна и эмоциональный взрыв авангарда стали, своего рода, дуальной парой, определившей культурный скачек в этот период.

Одним из порождений культурного кризиса рубежа веков стал вечный образ идеального города, преобразованный в соответствии с эпохой. Город-сад Э.Говарда, возникший как социально-экономическая утопия, становится на многие годы объектом подражаний в градостроительстве. Его наследуют планы Канберры, Карлсруэ и др. В XX в. идею города-сада подхватывает Ле Корбюзье, растворяя в садах небоскребы «Лучезарного города».

Авангард начала XX в. сейчас оценивается по-разному: от утверждений бесспорных достоинств (А.В.Рябушин, С.О.Хан-Магомедов, Н.А.Смурова, В.Э.Хазанова, К.Шедлих, Д.Шмидт и др.) до полного развенчания («крайняя форма декаданса современной культуры» по В.Л.Глазычеву [12, с. 24]). Бесспорно одно, критический момент истории вызвал необычайный энтузиазм, оформившийся в символические архитектурные формы, наделенные сложной космогонической семантикой. Синтезирование мира-космоса из хаоса-небытия – главная тема художественной культуры эпохи, образно реализованная во всех видах искусства.

Как отмечает В.Э.Хазанова, рубеж 20-х и 30-х годов означен отношением к городу как к объекту пристального изучения: архитектурного, социологического, исторического: «изучение города – черта времени, характеризующегося движением общественной мысли» [4, с.25]. Явление урбанизма, связанное с развитием промышленного производства, остановившееся на время войн и революций, снова, хотя и постепенно, набирает силу. Общим стремлением было создать «новую городскую культуру», отражавшую новую идеологию. Лозунг «города для людей» становится преобразованным в «Новый город требует нового человека».

Вместе с тем, в начале XX ст. еще не ушло отношение к городу как к живому существу, наделенному душой. В этот период Н.Анциферов публикует труды о «душе Петербурга», раскрывая его *genius loci*. И ученые-градovedы (как они называли себя в середине 20-х годов), говоря о городе как о цельном живом организме, «большой и весьма сложной системе», выделяли из его «единства три элемента, определявшие три подхода к его изучению»: анатомию, физиологию,

психологию. «Психология» или «душа» города понималась как «исторически сложившееся единство всех его элементов, составляющих городской организм, как конкретную индивидуальность», которую отображают зрительные впечатления [4, с.17]. Индивидуальность впечатлений складывалась из их последовательности, стало быть, на первое место выходил фактор движения в городе.

Символом движения, как и символом города вообще, в период развития промышленности начиная с XIX в. стала железная дорога, несущая идею могучего преодоления пространства. От XIX века, с его эсхатологическими установками, был унаследован негативный образ промышленного города и железной дороги. Он запечатлен в творчестве Э.Верхарна, Э.Золя, М.Коцюбинского, А.Блока, А.Белого и др. Новый век должен был видоизменить город, заменить минус плюсом в отношении к нему.

Мчащиеся поезда, еще недавно вызывавшие негативные подсознательные эмоции («К нему ползет трехглазая змея /Своим единственным стальным путем», писал А.Блок) становились с развитием промышленной экономики определяющими в развитии города, а, следовательно, принимались положительно. Футуристические концепции уже не мыслились без скорости мчащихся составов, летящих самолетов, радио и т.д. Проблема «циркуляции» рассматривалась как обуславливающая комфортное расселение и доступность культурных центров. А.Л.Эйнгорн в 1930 г. писал: «расселение нужно измерять не километрами, имея в виду развитие транспорта, а минутами. Что важнее, отдаление на 10-15 минут от производства или отдаление от культурных ценностей города?» [5].

Город «каменных мешков», отрицавший динамику движения, должен был превратиться в «город-сад», построенный на движении. Технически совершенный город небоскребов и рустикальный город-сад объединялись в одном организме в проектах Ле Корбюзье (1922-1925 гг.) и теоретических идеях А.Щусева (1926 г.), который утверждал: «Такая планировка способствует высшему пониманию города как целого». Дезурбанистические идеи, оправданные транспортной доступностью, разрабатывает Н.Марковников, говоря о «той победе над расстоянием, которая... одержана современной техникой...». То же утверждает Ф.-Л.Райт, говоря о преодолении современным человеком пространств американских прерий.

Идея города-сада, райского сада на земле, небесного града и т.д. была необыкновенно привлекательна, невзирая на явно дезурбанистический характер, который уже с 30-х годов не отражал промышленно-технологических требований времени. Его традиционная центростре-

мительная схема явно вступала в диссонанс с функциональной структурой, диктуемой ландшафтом, экономическими связями и др. градостроительными условиями. М.Гинзбург писал по поводу всеобщего увлечения: «Говардовский идеал не отстал ли от современности не меньше, чем на десяток лет...?». Однако даже город-символ новой эпохи – Москва по-прежнему виделась градостроителям как «завтрашний город... – громадный и солнечный город-сад с величественными общественными дворцами в центре» [7, с.50].

Промышленное развитие внесло коррективы в модель города-сада. Центрическая система, унаследованная Говардом, в эпоху динамики железных дорог уже не срабатывала. Идею схождения мира к центральной точке заменила идея «потока жизни», безудержного стремления вперед. Принципиально иные схемы города, базирующиеся на прямолинейности скоростного сообщения, разрабатывали Н.Ладовский (1929-1930 гг., «Развивающийся город»), Н.Милютин (1930 г., генеральный план Магнитогорска), И.Леонидов (1930 г., конкурсный проект Магнитогорска). Город-сад И.Леонидова, линейная структура которого обуславливалась технологическими циклами производства и транспортными магистралями, мыслится растворенным в жизни естественной природы. Социалистический город-рай с его райскими садами и радостными людьми по мысли автора – «это разумная организация промышленности и сельского хозяйства, культуры, отдыха, всего, что организует сознание и жизнь человека» [9, с. 63]. И.Г.Лежава отмечает космогонический размах творений Леонидова: «Его «клетчатые» города с космическим масштабом пирамид и дирижаблей...»; его «Город Солнца» уже самим названием отсылает к вечным идеям обустройства человечества [12].

В рамках трансформации парадигматической схемы можно рассматривать и работу над проектом генерального плана Харькова. Разработанная в 1925-1929 гг. под руководством И.Ф.Войткевича схема планировки Харькова, предусматривала строительство промышленных объектов на расстоянии 20-30 км от города на пересечениях существующих радиальных и намечаемых кольцевых дорог. Усилить центричность города должен был новый центр в районе площади Восстания, а проектируемые на периферии промышленные образования становятся центрами городов-спутников, окружающих основной город, но не сливающихся с ним.

Однако идеальная схема оказалась преобразованной строительством в начале 30-х годов завода ХТЗ и образованием новой промышленно-селитебной зоны на юго-восточном выходе из города автомагистрали и железной дороги на Ростов и Донбасс. Линейная динамика

усиливалась новым ансамблем административного центра на пл. Дзержинского, соотнесенного с транспортными связями, идущими в северо-западном направлении [10, с.18]. Ростовское шоссе, ведущее из Харькова на юго-восток, послужило границей, разделившей поселок ХТЗ и завод. Поселок, задуманный как город-спутник, формировался согласно проекту П.Ф.Алешина на основе магистрали (пр. Орджоникидзе), поперечной к ростовской трассе. Но позже, в связи с появлением новых промышленных объектов, возникали новые поперечные магистрали, ведущие от них в жилую зону. Город-спутник, сохраняя внутреннюю поперечную структуру, вытягивается в сторону Харькова. Таким образом, сформировалась структура, вытянутая вдоль Ростовского шоссе и оказавшая влияние на планировку города в целом [10, с.18-19]. Здесь оказалась реализованной концепция Н.А.Милютина о преодолении в структуре социалистического города центростремительности. Развитием этой тенденции в Харькове стал генеральный план, разработанный в 1935 г. под руководством проф. А.Л.Эйнгорна [6]. Он «отразил тенденцию перехода к направленному развитию планировочной структуры города. Архитектурно-пространственное его построение подчинено направлению юго-восток – северо-запад» [10, с.24]. То же направление стало основой генеральных планов второй половины XX в. под руководством А.М.Касьянова и В.Л.Антонова.

Однако миф кольца не ушел окончательно. Тем более, что радиальная система магистралей в центральной зоне города не подверглась существенным изменениям. Все возрастающая интенсивность движения в центральной зоне города входит в противоречие со старой планировочной структурой. Выходом и теперь видится создание транспортных колец, невзирая на неравномерность их будущей загрузки в силу неравномерности сложившихся внутригородских миграций и мест их притяжения. Эстетически упорядочивающая сила кольцевой линии властно вторгается в современное предельно рационализированное градостроительное мышление.

Романтико-символический этап развития советской архитектуры 20-30-х годов породил немало моделей, уходящих к их архетипическим прототипам. И кольцо – это не единственный пример. «Город Солнца», небесный град предстает в ряде облиций. Архитектурные решения, развивающие эту тему, разнообразны по жанрам и охвату, но выражают практически одно – упорядочивание хаоса, укрощение неосвоенной земли. Киноверсией этой всеохватывающей идеи космогонического упорядочивания мира стал фильм А.Довженко «Земля». Ту же тему через утверждение новых форм труда и быта, несли и архи-

тектурные объекты – «социальные конденсаторы эпохи», как их характеризовал М. Гинзбург [8].

В этом смысле архитектурный конструктивизм выдвигал на первый план не саму по себе конструкцию, технику (считая их всего лишь средствами, которые следует использовать с максимальной эффективностью), а социальную функцию. Как пишет А.В.Рябушин, главный идейный пафос архитектурного конструктивизма был направлен на конструктивное преобразование материальной действительности, творение самой жизни, конструирование ее более разумных форм [11].

Такое конструирование, по сути, реально творимый миф, возникло в середине 20-х годов в Харькове в виде ансамбля новой площади на северной окраине города. Ансамбль Госпрома и два фланкирующих его здания на круглой площади создали архетипически узнаваемый образ «небесного града», неба «опущенного» на землю. Площадь, коронованная Госпромом, стала метафорой небесного порядка, несомого вниз, на землю с ее заводами и поездами.

В этом смысле порталы Госпрома, впускающие небесный порядок в «земной мир», переключаются с архетипом, возрожденным в авангардной архитектуре. Порталы в проектах И.Леонидова отсылают своими формами к традиционной трактовке их как некоего медиативного пространства на границе двух миров или двух состояний, гармонирующих человека и Вселенную [10, с.32].

Современной архитектуре явно не достает подобного чувственно-го компонента. С 80-х годов XX в. эта лакуна стимулирует появление на Западе многочисленных авангардных направлений (Р.Кулхаас, З.Хадид, П.Айзенман, Д.Либескинд и др.). Их эксперименты во многом напоминают эксперименты 1920-1930 гг. Архитектура авангарда, наполненная эмоциями, и отсылающая к архетипам, сейчас особенно востребована. Ее влияние, как отмечает швейцарский архитектор К.Алленспох, помогает преодолеть некоторый тупик современности, когда архитектура, даже очень высокого качества, остается слишком сухой, слишком функциональной и конструктивной. Оно позволяет открыть иные перспективы чувственности, контрастирующей с посредственностью постмодернистской архитектуры [12, с.17-18].

Стремление современной культуры и, в частности, архитектурного образования отказаться от устаревших идеологем заставляет по-новому оценить творчество советского авангарда; оценить, прежде всего, его генетические корни, эмоциональность, стремление оперировать миром эмоций через обращение к миру технологий. Очевидно, обращаясь к наследию авангарда с его космогоническими идеями, можно понять, что архитектура, формируя среду, создает мир и, следо-

вательно, обеспечивает чувственное, экзистенциальное обживание этого мира.

- 1.Рябушин А.В., Дворжак К. Прогностика в архитектуре и градостроительстве. Совместное советско-чехословацкое издание. – М.: Стройиздат, 1983. – 184 с.
- 2.Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407с.
- 3.Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.:Стройиздат, 1986. – 264 с.
- 4.Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. – М.:Наука, 1980. – 374 с.
- 5.Анциферов Н. Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. – Л., 1926. – 26 с.
- 6.Эйнгорн А.Л. Экономика жилищного строительства. – Харьков, 1930. – 25 с.
- 7.Лопатин П. Город настоящего и будущего. – М., 1925. – 72 с.
- 8.Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т.1. – М., Л.: Искусство, . – 286 с.
- 9.Александров П.А., Хан-Магомедов С.О. Иван Леонидов. – М.: Стройиздат, 1971 – 128 с.
- 10.Алферов И.А., Антонов В.Л., Любарский Р.Э. Формирование городской среды (на примере Харькова). – М.: Стройиздат, 1977. – 104 с.
- 11.Рябушин А.В., Шишкина И.В. Советская архитектура. – М.: Стройиздат, 1984. – 308 с.
- 12.Современная архитектура и русский авангард // Труды международной конференции «Архи-тектура Ивана Леонидова». Москва, 2-6 февраля 2002 (РААСН, НИИТАГ, МАРХИ, МУАР, МААМ, ЦДА). – 57 с.

Получено 08.06.2004

УДК 711.03

О.С.СОЛОВЬЕВА, канд. искусствоведения

Харьковская национальная академия городского хозяйства

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ХАРЬКОВА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Рассматриваются вопросы сохранения целостной градостроительной среды в условиях строительства и проектирования в исторической среде Харькова. Подчеркивается значение исследований пространственных структурных соотношений исторической среды для устойчивого развития города.

Актуальность исследования градостроительных преобразований в исторических городах приобретает особое значение как для самих жителей, так и для проектировщиков. Интерес к истории возрастает. Не столько к истории вообще – всемирной, сколько к истории родной страны, родного края, своего города или села. В этом интересе прослеживается не просто человеческая любознательность. Речь идет о более глубинных явлениях – основополагающих для формирования национального самосознания. Мы хотим знать истоки, корни своего народа. Современный город – это сложная система административной,